

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

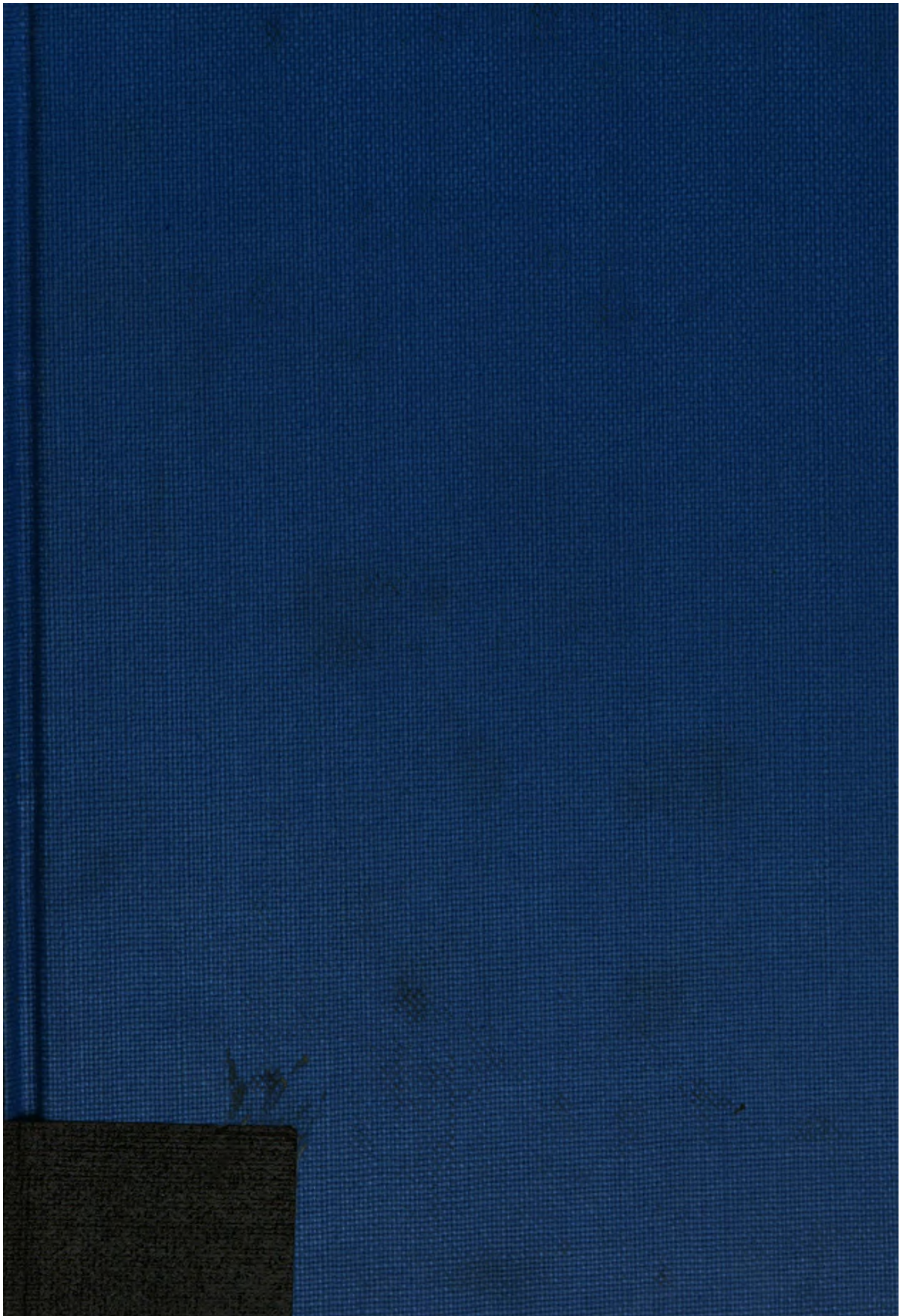
This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

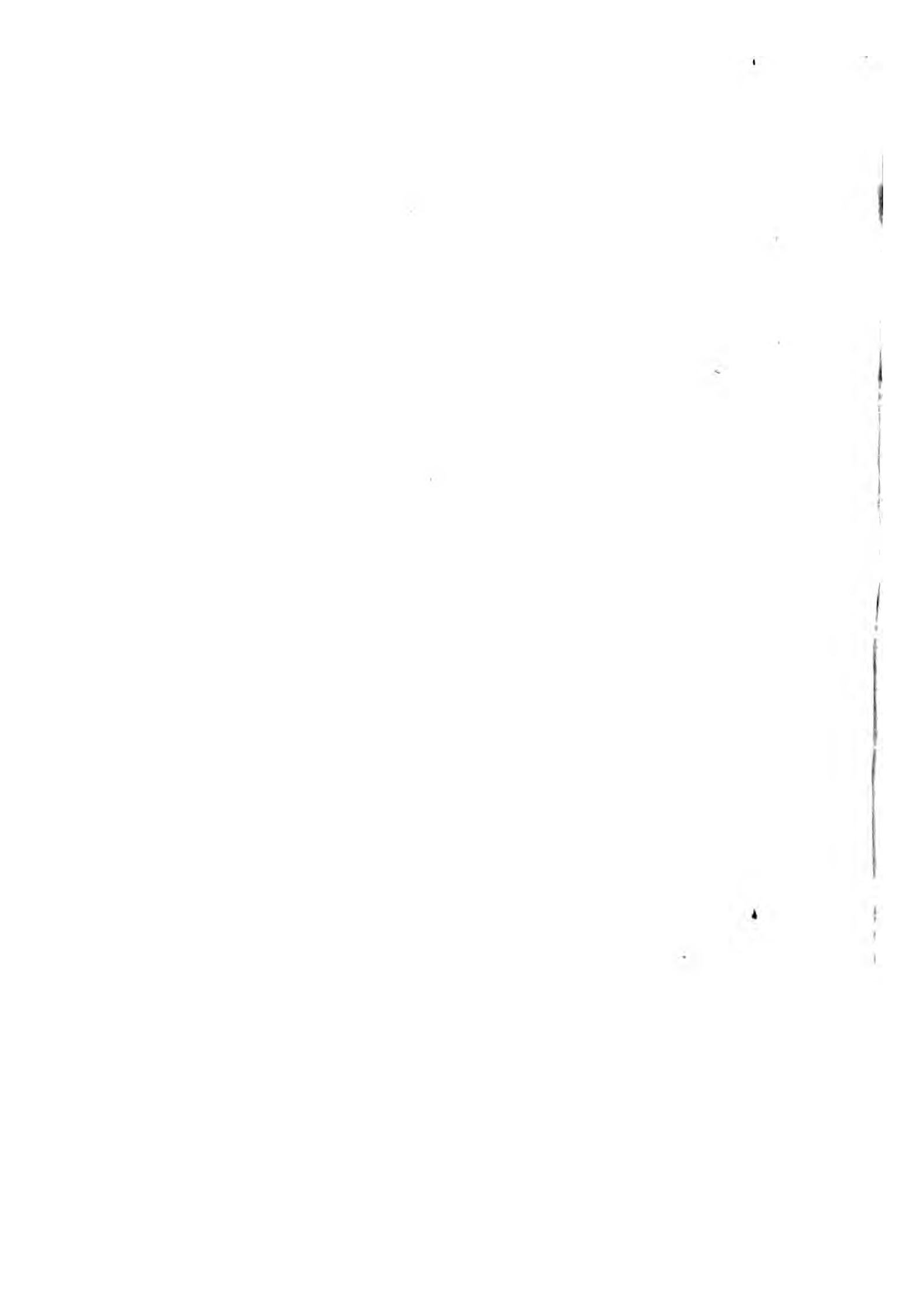

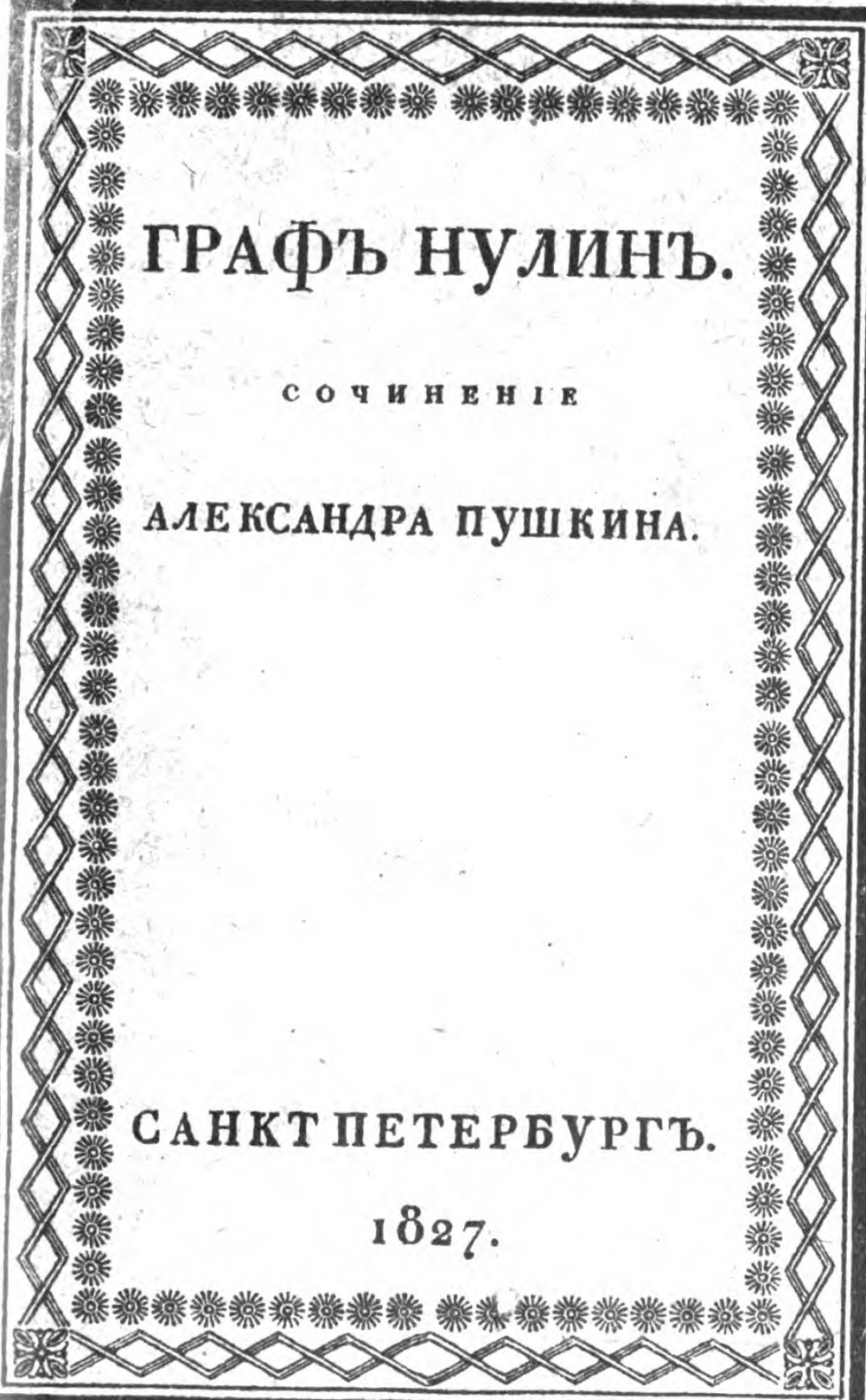
~~Vet. Slav. II A. 5~~

Vet PG 3343.6.1

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

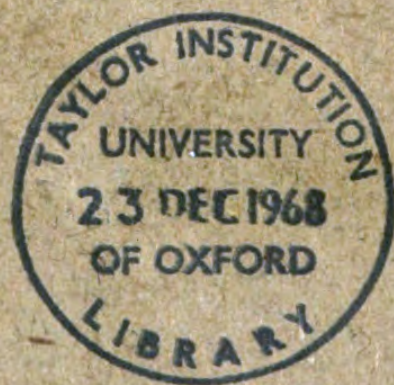
СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

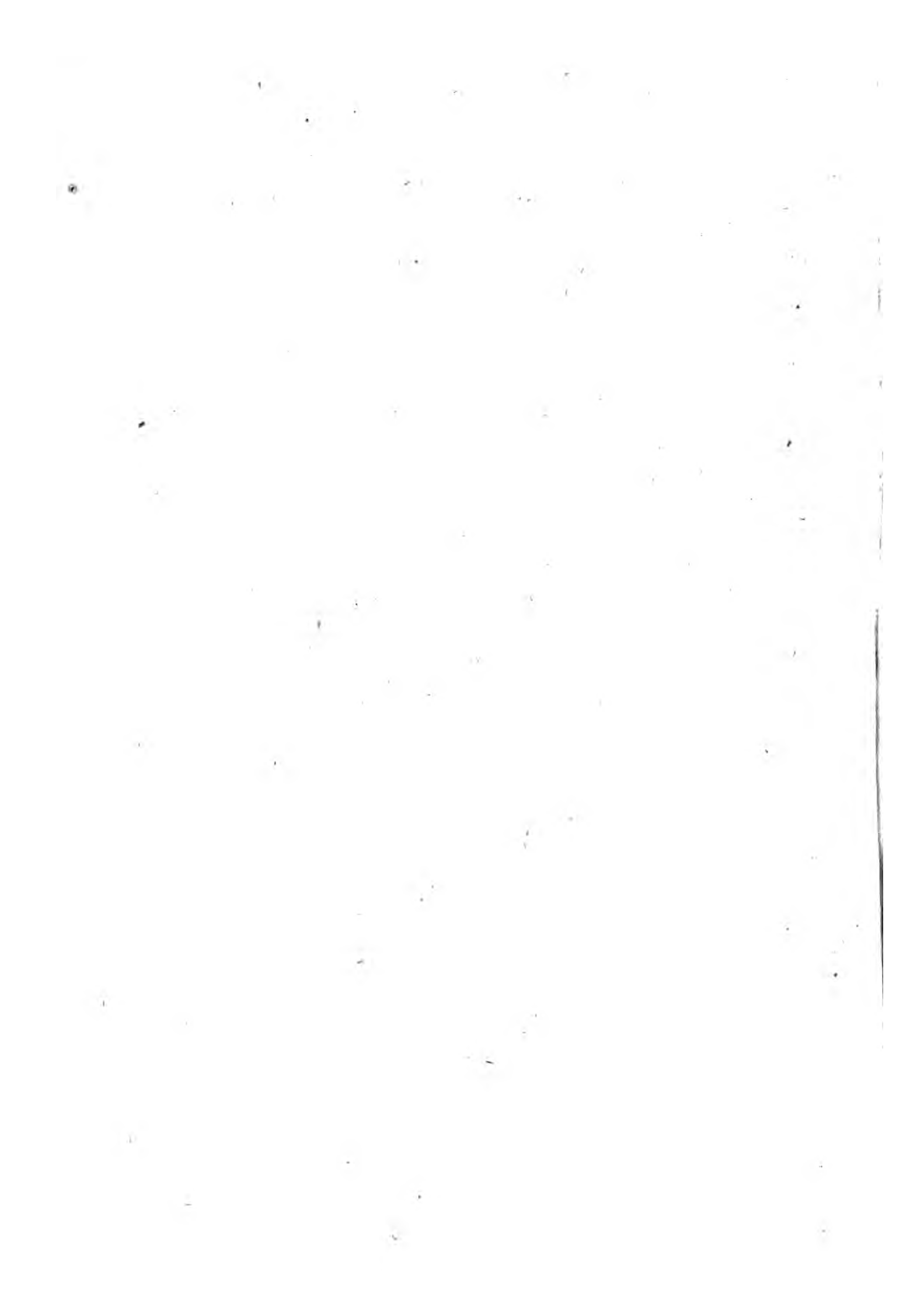
САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

1827.

Печатается съ разрѣшенія Литературно-Изда-
тельскаго Отдела Н. К. Пр.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

1827.

Съ дозволеніа Правителства.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога трубятъ;
Псаря въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтлѣе ужъ на коняхъ сидятъ,
Борзая прыгаютъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обзрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.

Чекмень замянушый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ плапючкѣ,
Глазами сонными жена
Сердишо смотришь изъ окна
На сборъ, на псарную шревогу.
Вошь мужу подвели коня;
Онъ холку хвапъ и въ шремя ногу,
Кричишь женѣ: не жди меня!
И выѣзжаешь на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ сентября
(Презрѣной прозой говоря)

Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мѣлкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но шо-шо сейчасъ
Охотнику! не знаа нѣгъ,
Въ ошѣзжемъ полѣ онъ гарцуешъ,
Вездѣ находить свой нощлегъ,
Бранишся, мокнешъ и пируешъ
Опустошительный набѣгъ.

А что же дѣлаешъ супруга,
Одна въ ошсущствѣи супруга?
Занятій мало ль есть у ней?
Грибы солишь, кормишь гусей,
Заказывашъ обѣдъ и ужинъ,
Въ анбаръ и въ погребъ заглянушь.

Хозяйки глазъ повсюду нуженъ :
Онъ вмигъ замѣшитъ что нѣбудь.

Къ несчастью , героиня наша
(Ахъ , я забылъ ей имя дать !
Мужъ проспо звалъ ее Напаша ,
Но мы — мы будемъ называть
Напалья Павловна) , къ несчастью ,
Напалья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималась , зашьмъ ,
Что не въ опеческомъ законѣ
Она воспитана была ,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмиграншки Фальбала .

Она сидитъ передъ окномъ ;
Предъ ней открытъ четвертый томъ
Сентиментальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двухъ семей —
Романъ классической, старинной,
Ошмѣнно длинной, длинной, длинной,
Нравоучительной и чинной,
Безъ романтическихъ зашпѣй.

Нашалья Павловна сначала
Его внимательнѣе читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой

И ею шихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ стѣмъ печально подь окномъ
Индѣйки съ крикомъ выпупали
Вослѣдъ за мокрымъ пѣшухомъ;
Три ушки полоскались въ лужь;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсиль на заборъ;
Погода спановилась хуже:
Казалось, снѣгъ иппи хопѣлъ...
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, пошь вѣрно знаешь самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальной

Порой волнуешь сердце намъ.
Не другъ ли ѣдешь запоздалой,
Товарищъ юности удалой?...
Ужь не она ли?... Боже мой!
Вопль ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звукъ несется,
Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Нашалья Павловна къ балкону
Бѣжитъ, обрадована звону,
Глядитъ и видитъ: за рѣкой
У мельницы коляска скачетъ,
Вопль на мосту — къ намъ точно... нѣтъ,
Поворошила вѣхо. Вслѣдъ
Она глядитъ и чуть не плачетъ.

Но вдругъ... о радость! косогорь;
Коляска на бокъ. — Фильна! Васька!
Кто тамъ? скорѣй! Вошь тамъ коляска:
Сей часъ возмимъ ее на дворъ
И барина просишь обздать!
Да живъ ли онъ?... бѣги ировѣдать!
Скорѣй, скорѣй!

Слуга бѣжитъ.

Нашалья Павловна свѣшится
Взблещъ пышной локонь, шаль накинушь,
Задержнушь завѣсь, спуль подвинушь,
И ждещъ: да скороль, мой Творецъ!
Вошь ѣдушъ, ѣдушъ наконецъ.
Забрызганный въ дорогъ дальной,
Опасно раненный, печальной

Кой-какъ шащипся экипажъ;
Велѣдъ баринъ молодой хромаелтъ;
Слуга-Французъ не унываемъ
И говоритъ: allons, courage!
Вошъ у крыльца; вошъ въ сѣни входяшъ.
Покаместъ барину шелерь
Покой особенный спиводяшъ
И насшежъ опворяюшъ дверь,
Пока Ricard шумишъ, хлопочешъ,
И баринъ одъвашъся хочешъ;
Сказашъ ли вамъ, кто онъ шаковъ?
Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краевъ,
Гдѣ промошалъ онъ въ вихрѣ моды
Свои грядущіе доходы.
Себя казашъ, какъ чудный звѣрь,

Въ Петрополь ъдетъ онъ шеперь
Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ ,
Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ ,
Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ ,
Цвѣсныхъ плашковъ, чулковъ à jour ,
Съ ужасной книжкою Гизопа ,
Съ шепрадью злыхъ каррикатуръ ,
Съ романомъ новымъ Вальперъ-Скошпа ,
Съ bons-mots Парижскаго двора ,
Съ послѣдней пѣсней Баранжера ,
Съ мопивами Россини, Пера ,
Et cetera, et cetera.

Ужъ споль накрыпъ; давно пора ;
Хозяйка ждетъ неперпѣливо ;

Дверь отворилась, входитъ графъ;
Напалья Павловна, привставъ,
Освѣдомляется учтиво,
Каковъ онъ? что нога его?
Графъ отвѣчаетъ: ничего.
Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
Къ ней подвигаетъ свой приборъ
И начинаетъ разговоръ:
Свящую Русь бранишь, дивишься,
Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
Жалѣешь о Парижѣ страхъ.
« А что театръ? — О! скромнѣешь
C'est bien mauvais, ça fait pitié.
Тальяма совсѣмъ оглохъ, слабѣешь,
И мамзель Марсъ, увы! спартель.

За то Помье , le grand Potier !

Онъ славу прежнюю въ народѣ

Донынѣ поддержалъ одинъ. —

« Какой писашель нынче въ модѣ ? »

— Все d'Arglincourt и Ламаршинъ. —

« У насъ имъ шакже подражающъ. »

— Нѣтъ ! право ? шакъ у насъ умы

Ужь развивашься начинающъ.

Дай Богъ, чшобъ просвѣтились мы ! —

« Какъ пальи носящъ ? » — Очень низко ,

Почши до . . . вошь по эшихъ поръ.

Позвольше видѣшь вашъ уборъ ;

Такъ . . . рюши , баншы , здѣсь узоръ ;

Все эшо къ модѣ очень близко. —

« Мы получаемъ Телеграфъ. »

— Ага! хотише ли послушать
Прелесный водевиль? — И графъ
Поешь. « Да, графъ, извольте жь кушать. »
— Я сытъ и такъ. —

Изъ-за стола

Встающъ. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Графъ, о Парижъ забывая,
Дивился, какъ она мила.
Проходишь вечеръ непримъшно;
Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
То выражается привъпно,
То вдругъ популенъ безолвъпно.
Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ

Давно хранишь слуга въ передней,
Давно поешь пѣлухъ сосѣдній,
Въ чугууну доску спорожь бьешь;
Въ гостинной свѣчки догорѣли.
Напалья Павловна вспаешь:
Пора, прощайте! ждуть постели.
Пріятный сонъ!... Съ досадою вспавъ,
Полувлюбленный нѣжный графъ.
Цылуешь руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведетъ?
Проказница — проси ей, Боже! —
Тихонько графу руку жмешь.

Напалья Павловна раздѣта,
Стоитъ Параша передъ ней.

Друзья мои! Параша эта
Наперсница ея зашѣй :
Шьеть , моешь , вѣспи переносишь ,
Изношенныхъ капотовъ просишь ,
Порою барина смѣшишь ,
Порой на барина кричишь ,
И лжешь предъ барыней ошважно.
Теперь она толкуешь важно
О графѣ , о дѣлахъ его ,
Не пропускаешь ничего —
Богъ вѣшь , развѣдашь какъ успѣла.
Но госпожа ей наконецъ
Сказала : полно , надоѣла!
Спросила кофту и чепецъ ,
Легла и выпши вонъ ведѣла.

Своимъ Французомъ между шѣмъ
И графъ раздѣль уже совсѣмъ.
Ложися онъ, сигару просить,
Monsieur Ricard ему приносишь
Графинь, серебряной стаканъ,
Сигару, бронзовой свѣспильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ
И неразрѣзанный романъ.

Въ постель лежа, Вадъшеръ-Скопша
Глазами пробѣгаетъ онъ.
Но графъ душевно развлечень:
Неугомонная забота
Его превожитъ; мыслишь онъ:
Не ужь-то вправду я влюбленъ?

Что если можно?... вошь забавно;
Однакожь это было бь славно;
Я, кажешся, хозяйкь миль —
И Нулинъ свѣчку погасиль.

Несносный жарь его объемлеть,
Не слышся графу — бьсь не дремлеть
И дразнить грѣшною мечшой
Вь немь чувствва. Пылкой нашъ герой
Воображаешъ очень живо
Хозяйки взорь краснорѣчивой,
Довольно круглый, полный спань,
Пріятный голось, прямо женскій,
Лица румянецъ деревскій —
Здоровье краше всѣхъ румянъ.

Онъ помнишь кончикъ ножки нѣжной,
Онъ помнишь, шочно, шочно такъ,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; онъ дуракъ,
Онъ долженъ бы оспахся съ нею,
Ловишь минушную запью.
Но время не ушло: шеперь
Ошворена конечно дверь —
И шопчасъ, на плеча накинувъ
Свой песпрый шелковый халашъ
И спуль въ пошемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладосшныхъ наградаъ,
Къ Лукреціи Тарквиній новый
Ошправился на все гошовый.

Такъ иногда лукавый кошъ ,
Жеманный баловень служанки ,
За мышью крадется съ лежанки :
Украдкой медленно идешь ,
Полузажмурясь подступаешь ,
Свернешся въ комъ , хвостомъ играешь ,
Разинешь когти хитрыхъ лапъ
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ пощечкахъ бродитъ ,
Дорогу ощупью находитъ ;
Желаньемъ пламеннымъ помитъ ,
Едва дыханье переводитъ ,
Трещетъ , если полъ подъ нимъ
Вдругъ заскрипитъ. Вошь онъ подходитъ

Къ завѣшной двери и слегка
Жметъ ручку мѣдную замка ;
Дверь тихо , тихо уступашь ;
Онъ смопришь : лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ ;
Хозяйка мирно почивашь ,
Иль пришворяешся , что спишь .

Онъ входяшь , ищешь , ошсупашь —
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ .
Она... Теперь съ ихъ позволенья
Прошу я Пешербургскихъ дамъ
Представитъ ужасъ пробужденья
Нашали Павловны моей
И разрѣшишь , что дѣлать ей .

Она, открывъ глаза большіе,
Глядишь на графа — нашъ герой
Ей сыплешь чувства выписныя
И дерзновенною рукой
Уже руки ея коснулся...
Но шупь опомнилась она;
Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
И честной гордосши полна,
А впрочемъ, можешь бышь, и страха,
Она Тарквинію съ размаха
Даетъ пощечину, да, да!
Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ отъ стыда,
Обиду проглотивъ такую;

Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
Досадою страшною пылая,
Но шпидъ космашый, вдругъ залая,
Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
Услышавъ графъ ея походку
И проклиная свой ночлегъ
И своеправную красошку,
Въ послѣдній обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводяшъ оспальную ночь,
Воображайте, чоля ваша!
Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ пошпру молчаливо ,
Графъ одъваешся лъниво ,
Ощдълкой розовыхъ ногшей
Зъвая занялся небрежно ,
И галсшукъ вяжешъ неприлжно ,
И мокрой щешкою своей
Не гладишъ сприженныхъ кудрей .
О чемъ онъ думаешъ , не знаю ;
Но вошь его позвали къ чаю .
Чшо дълашь ? Графъ , преодолъвъ
Неловкой сшыдъ и шайный гнѣвъ ,
Идешъ .

Проказница младая
Насмѣшливый полупя взоръ

И губки алыя кусая,
Заводишь скромно разговоръ
О помъ, о семь. Сперва смущенный,
Но посщепенно ободреный,
Съ улыбкой опвъчаетъ онъ.
Получаса не проходило,
Ужь онъ и шупишь очень мило
И чупъ ли снова не влюблёнъ.
Вдругъ шумъ въ передней. Входяшь. Кпоже?
«Нашаша, здравствуй.»

— Ахъ, мой Боже!

Графъ, вопъ мой мужъ. Душа моя,
Графъ Нулинъ. —

« Радъ сердечно я.

Какая скверная погода!

У кузницы я видѣлъ вашъ

Совсѣмъ гошовый экипажъ.

Наташа! шамъ у огорода

Мы заправили русака.

Эй, водки! Графъ, прошу опвѣдать:

Прислали намъ издалека.

Вы съ нами будете обѣдать!

— Не знаю, право, я спѣшу. —

И, полно, графъ, я васъ прошу.

Жена и я, госпямъ мы рады.

Нѣтъ, графъ, оспаньшесь! »

Но съ досады

И всѣ надежды поперявъ,
Упрямышся печальный графъ,
Ужь подкрѣпивъ себя спаканомъ,
Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ.
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивашъ сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикарь все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала
Жена все мужу рассказала

И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадашь вамъ. — Почемужь?
Мужь? — Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужь.
Онъ очень эшимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
Молокосось; что если такъ,
То графа онъ визжать заставитъ,
Что псами онъ его заправитъ.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

Продается въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
2 рубля 50 коп. за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 50 копѣекъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Типо-лит. Бр. Менеръ, Б. Полянка

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Какъ Бѣлинскій семьдесятъ лѣтъ назадъ опредѣлилъ „химическое содержаніе“ этой поэмы и согласно своему опредѣленію поставилъ ее на полочку, такъ она и до сихъ поръ красуется на той-же полочкѣ, выдѣляясь четкой наклейкой: „Граціозная шутка и первый опытъ русскаго натурализма“. Дѣйствительно, анализъ привелъ Бѣлинскаго къ такому заключенію: „Графъ Нулинъ“— не болѣе, какъ легкій сатирическій очеркъ одной стороны нашего общества, но очеркъ, сдѣланный рукою въ высшей степени художественною... Въ этой повѣсти все такъ и дышетъ русскою природою, сѣренькими красками русскаго деревенскаго быта. Здѣсь цѣлый рядъ картинъ въ фламандскомъ вкусѣ,— и ни одна изъ нихъ не уступитъ въ достоинствѣ любому изъ тѣхъ произведеній фламандской живописи, которыя такъ высоко цѣнятся знатоками. Что составляетъ главное достоинство фламандской школы, если не умѣнье представлять прозу дѣйствительности подъ поэтическимъ угломъ зрѣнія? Въ этомъ смыслѣ „Графъ Нулинъ“ есть цѣлая галерея превосходнѣйшихъ картинъ фламандской школы“. Въ подтвержденіе этой мысли указывается, что „въ лицѣ графа Нулина поэтъ съ неподражаемымъ мастерствомъ изобразилъ одного изъ тѣхъ пустыхъ людей высшаго свѣтскаго круга“, и т. д.,— „Наталья Павловна—типъ молодой помѣщицы новыхъ временъ“,

и т. д.,—горничная Натальи Павловны— „типъ всѣхъ русскихъ горничныхъ“ такого-то рода. И въ заключеніе: „Говорить ли, что вся поэма, исполненная ума, остроумія, легкости, граціи, тонкой ироніи, благороднаго тона, знанія дѣйствительности, написана стихами въ высшей степени превосходными?“

Приговоръ Бѣлинскаго тотчасъ вошелъ въ силу и господствуетъ донинѣ. Въ 4-мъ томѣ большого Академическаго изданія Пушкина, помѣченномъ 1916 годомъ, П. О. Морозовъ кончаетъ свою прекрасную историко-литературную статью о „Графѣ Нулинѣ“ строками, цѣликомъ повторяющими сужденіе Бѣлинскаго: „Нулинъ явился въ нашей литературѣ первой ласточкой того новаго направленія, которое впослѣдствіи, въ эпоху Мертвыхъ Душъ, получило названіе „натуральной школы“... Сама по себѣ незначительная повѣсть Пушкина для своего времени была и большою смѣлостью, и своего рода литературнымъ откровеніемъ. Пять лѣтъ спустя за нею послѣдовали „Повѣсти Бѣлкина“.

Бѣлинскій и не могъ оцѣнить поэму Пушкина иначе, нежели онъ это сдѣлалъ; но чѣмъ можно извинить простодушіе позднѣйшихъ критиковъ, которымъ уже было извѣстно то, чего не зналъ Бѣлинскій,—объясненіе самого Пушкина о замыслѣ его маленькой поэмы? Это объясненіе напечаталъ еще Анненковъ въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина,“—правда, не полностью, хотя предъ нимъ былъ полный текстъ. Самъ Анненковъ видѣлъ въ этой записи только подтвержденіе установившейся уже мысли, что „Графъ Нулинъ“—веселая шутка;

онъ предпосылаетъ строкамъ Пушкина такія слова: „Сказочка эта (т. е. „Графъ Нулинъ“)... обязана происхожденіемъ забавной мысли, которую самъ авторъ рассказываетъ на одномъ клочкѣ бумажки“, и т. д.,—и приведя записъ Пушкина, замѣчаетъ: „Такъ справедливо, что противъ шутки Пушкинъ не могъ устоять“. Съ тѣхъ поръ всѣ, кому случилось писать о „Графѣ Нулинѣ“, неизмѣнно приводили и записъ Пушкина, объясняя ее такъ-же, какъ Анненковъ; въ Венгеровскомъ изданіи Пушкина одинъ изъ комментаторовъ, сообщая, что „Графъ Нулинъ“ есть плодъ возрождавшейся о ту пору въ Пушкинѣ „жизнерадостности, принимавшей по временамъ бравурную, экзальтированную форму“, плодъ „заразительнаго веселья“, сообщаетъ и записъ поэта, говоря: „полна юмора уже замѣтка о происхожденіи этой поэмы“. Но и полный текстъ ея, впервые сообщенный П. О. Морозовымъ въ названной статьѣ, не помѣшалъ ему-же повторить сужденіе Бѣлинскаго, основанное на недостаточномъ знаніи.

Вотъ записъ Пушкина въ приблизительно-точномъ спискѣ.

„Въ концѣ 1825 года находился я въ деревнѣ. Однажды, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, я повторилъ пошлое замѣчаніе о мелкихъ причинахъ великихъ послѣдствій. Я подумалъ: что еслибъ Лукреціи пришло въ голову дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ это охладило бъ его предприимчивость и онъ со стыдомъ принужденъ

былъ отступить? Лукреція бѣ не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы, Брутъ не изгналъ Царей (зачеркн. Цари подѣ покровомъ) и мѣръ и исторія мѣра были бы не тѣ. Итакъ, Республикою, Консулами, Диктаторами, Катонами, Цесаремъ мы обязаны соблазнительному происшествію, подобному тому, которое случилось недавно въ моемъ сосѣдствѣ, въ Новоржевскомъ уѣздѣ.—Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась, я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть. Я имѣю привычку на моихъ бумагахъ выставлять годъ и число. Гр. Нулинъ писанъ 13 и 14 дек. Бываютъ странныя сближенія—“...

На этомъ словѣ запись обрывается.

Надо прибавить, что сообразно съ этимъ замысломъ Пушкинъ первоначально думалъ озаглавить свою поэму—„Новый Тарквиній“; это заглавіе написано карандашомъ въ черновой. Тамъ-же имѣется и собственноручная дата—Михайловское, 13 декабря 1825. Въ самой поэмѣ ея происхождение не обнаружено ничѣмъ, если не считать упоминанія именъ Лукреціи и Тарквинія:

Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Лукреціи Тарквиній новый
Отправился на все готовый...

и вторично:

Она Тарквинію съ размаха
Даетъ пощечину...

Что же говоритъ намъ приведенная сейчасъ запись? Ея смыслъ ясенъ: задумывая свою поэму, Пушкинъ отнюдь не ставилъ себѣ цѣлью—ни на-

писать веселую шутку въ стихахъ, ни нарисовать жанровую картину изъ русскаго помѣщичьяго быта. „Графъ Нулинъ“ сталъ тѣмъ и другимъ по формѣ, и въ этомъ Бѣлинскій и его послѣдователи совершенно правы; Пушкинъ одѣлъ свою мысль въ жанровую и шутливую одежду, мастерски сшитую, но вѣдь одежда есть только одежда, прикрытiе, и ничего больше. Лермонтовъ былъ великiй поэтъ, и вмѣстѣ офицеръ: что мы сказали бы о его военномъ начальствѣ, которое оцѣнивало его вѣроятно только по его офицерскимъ качествамъ? Не такъ ли, по внѣшности, судить и наша критика о „Графѣ Нулинѣ“?

Мысль Пушкина ясна изъ его записи. Вотъ происшествiе: насилiе Тарквинiя надъ Лукрецией; это происшествiе явилось причиною громаднхъ историческихъ событiй; что-же: должны ли мы думать, что въ самой сущности его были заложены и неизбежность, и самый характеръ этихъ всемирныхъ послѣдствiй, какъ въ маломъ зернѣ—весь будущiй колось? Но вѣдь точно такiя же зерна, какъ это попадаются намъ всюду; стоитъ только нагнуться, чтобы подобрать такое зерно. Нѣтъ ничего легче, какъ взять одно изъ нихъ и изслѣдовать его, такъ сказать, химически; тогда будетъ ясно, присуща ли ему въ самомъ дѣлѣ творческая сила этого опредѣленнаго порядка. Зерно-событiе—попытка посторонняго мужчины овладѣть замужней женщиной: Пушкинъ беретъ такое зерно и на глазахъ читателя разлагаетъ его на составныя части. Весь анализъ онъ производитъ сравнительно: вотъ историческое

зерно—Тарквиній-Лукреція, и вотъ экспериментальное зерно—графъ Нулинъ-Наталья Павловна. До половины анализъ обоихъ совпадаетъ вполнѣ: тамъ и здѣсь—отлучка мужа, прїѣздъ сластолюбца, его бесѣда съ женою, ея рукопожатіе, его ночное возбужденіе, наконецъ его преступная попытка. Но тутъ, въ кульминаціонномъ пунктѣ, тожество вдругъ прерывается: Лукреція поддалась насилію, Наталья Павловна отражаетъ насиліе. Вслѣдствіе этого крошечнаго отклоненія дальнѣйшій ходъ происшествія даетъ въ обоихъ случаяхъ двѣ далеко расходящіяся линіи—тамъ трагедію, сперва только личную, а въ послѣдствіяхъ своихъ—и міровую, здѣсь—анекдотъ, разрѣшающійся смѣхомъ. Итакъ, не самое происшествіе по существу, а только одна микроскопическая часть его послужила причиною историческихъ событій; и эта частность въ немъ—вовсе не органическая: она случайна; она была, но могла и не быть; вѣдь чистая случайность, что Лукреціи „не пришло въ голову“ то, что „пришло въ голову“ пустенькой Натальѣ Павловнѣ,—дать пощечину насильнику. Изъ этой-то микроскопической случайности развился колоссальный рядъ потрясеній—изгнаніе царей изъ Рима, установленіе республики, и т. д.; она, такая ничтожная, своими послѣдствіями перевернула міръ, можно сказать даже—поколебала самое небо: именно это, повидимому, хотѣлъ сказать Пушкинъ въ зачеркнутыхъ словахъ: „Цари подъ покровомъ“—боговъ.

Итакъ, Пушкинъ экспериментальнымъ путемъ выдѣлилъ подлинное творческое ядро событія—и оно оказалось еле-замѣтной пылинкой, какими

толпа человеческая жизнь. Обыкновенная, ничтожная пылинка, оказалась заряженной динамитомъ; попавъ въ ту среду: Римъ, цари, Брутъ,—въ среду, очевидно благопріятную для взрыва, она вызвала мѣстный и потомъ всеобщій взрывъ. Не таковъ ли всеобщій законъ человеческой жизни, личной и исторической? Вся она состоитъ изъ пылинокъ,—изъ происшествій, индивидуальныхъ поступковъ и случайностей, и каждая пылинка по составу своему—динамитъ: все дѣло въ томъ, попадетъ ли она въ горючій матеріалъ, или не попадетъ. Вотъ эта колоссальная взрывчатая сущность **каждаго матеріальнаго атома** и поразила Пушкина въ драмѣ Лукреціи; отсюда замыселъ его поэмы,—и мысль свою онъ облекъ въ форму комическаго „фламандскаго“ жанра, которую одну и видѣла критика. „Графъ Нулинъ“—вовсе не шалость пера; недаромъ Пушкинъ нѣсколько лѣтъ спустя, защищая эту свою поэму противъ упрековъ въ скабрёзости, свидѣтельствовалъ, что она писана, „будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ“.

Теперь уже положительно извѣстно, что приведенная выше запись Пушкина писана не ранѣе 1829 года: онъ упоминаетъ въ ней о сходномъ происшествіи, случившемся **недавно** въ его сосѣдствѣ въ Новоржевскомъ уѣздѣ; въ дневникѣ А. Н. Вульфа, изданномъ въ 1916 г., рассказано это происшествіе, на которое намекаетъ Пушкинъ: оно случилось въ февралѣ 1829 г. съ самимъ Вульфомъ, на глазахъ Пушкина (неудачное ночное путешествіе Вульфа

въ комнату молоденькой поповны). А запись Пушкина состоитъ, какъ сразу видно, изъ двухъ частей: вся она занята изложеніемъ мыслей, предшествовавшихъ въ немъ созданію поэмы; но послѣдній абзацъ, о днѣ ея написанія, долженъ былъ содержать размышленіе Пушкина, возникшее уже въ позднѣйшее время. „Графъ Нулинъ“ былъ написанъ 13 и 14 декабря 1825 года. Въ этотъ послѣдній день, какъ извѣстно, произошелъ въ Петербургѣ бунтъ декабристовъ. Извѣстно, какъ думалъ Пушкинъ о своей судьбѣ въ связи съ казнью, постигшей декабристовъ; не разъ воспроизводилась та страница его рукописи, гдѣ нарисована висѣлица съ пятью повѣшенными и вплотную надъ нею начата фраза: „И я бы могъ какъ шутъ на“... и пониже на страницѣ опять: „И я бы могъ“, и внизу страницы снова та же висѣлица. И вотъ, съ этой мыслью о гибели, возможной для него и случайно избѣгнутой, Пушкинъ однажды замѣтилъ, что въ тотъ самый день, когда гибель могла его постигнуть, онъ писалъ „Нулина“—разсказъ о пылинкахъ, рѣшающихъ участь людей и царствъ; и, быть можетъ, онъ вспомнилъ о такой же пылинкѣ, счастливо рѣшившей его участь на этотъ разъ,—о какомъ-нибудь мелкомъ происшествіи, помѣшавшемъ ему стать участникомъ декабрьскаго мятежа или даже только быть въ тотъ день въ Петербургѣ,—и его поразила мысль, что именно въ тотъ роковой для него день онъ писалъ о роковой силѣ пылинокъ: вотъ на что намекаетъ начатая имъ фраза: „Бываютъ странныя сближенія“... Онъ, можетъ быть, думалъ: „Точно тайное пред-

чувствіе „грозы незримой“, витавшей надо мной въ тотъ день, водило моимъ перомъ, когда я писалъ „Нулина“. Извѣстно, что о томъ же своемъ спасеніи отъ декабрьской грозы онъ разсказалъ въ стихотвореніи „Аріонъ“ именно какъ о чудѣ:

Лишь я, таинственный пѣвецъ,

На берегъ выброшенъ грозою...

словно сама стихія оберегла его, свое дитя. Не оберегла ли она его, какъ-разъ пославъ ему въ должный часъ ту пылинку, то происшествіе,—можетъ быть зайца, перебѣжавшаго дорогу,—которое и спасло его отъ декабрьскаго разгрома?

Всѣ эти мысли свои, внушившія ему планъ и вдохновеніе поэмы, Пушкинъ утаилъ отъ читателей. Такъ онъ поступалъ всегда, и совершенно сознательно. Замыселъ долженъ быть скрытъ; онъ долженъ быть лишь, какъ вѣтеръ для судна, дающій направленіе судну и стремительностью своей натягивающій паруса. Этотъ постоянный приѣмъ являлся у Пушкина, прежде всего, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его теоріи искусства, а затѣмъ—и умышленнымъ изъясненіемъ его презрѣнія къ публикѣ. Какъ онъ самъ однажды сказалъ:

Станнымъ сномъ

Бываетъ сердце полно...

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ править

И держитъ мысль на привязи свою.

Онъ не только утаивалъ свой замыселъ,—онъ еще издѣвался надъ читателемъ, который вѣдь будетъ искать „мораль“ и непременно найдетъ ее, носящую его собственный образъ и подобіе; и любилъ самъ

заранѣе подавать ее читателю именно такую. Такъ онъ закончилъ и „Нулина“:

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совѣмъ не диво.

Какъ весело онъ вѣроятно хохоталъ, прочитавъ въ 1828 году, по выходѣ „Графа Нулина“, отзывъ Погодина о своей поэмѣ! Погодинъ защищалъ ее отъ хулителей и поучалъ: „Строгис аристархи спрашиваютъ о нравственной цѣли въ этой піесѣ. Вотъ она, если имъ того хочется (далее курсивъ самого Погодина): нескромныя желанія людей худо награждаются“. Спустя пять лѣтъ послѣ „Нулина“ Пушкинъ снабдилъ свой „Домикъ въ Коломнѣ“ еще болѣе саркастическимъ заключеніемъ—моралью о томъ, что кухарку даромъ нанимать опасно и что мужчинѣ рискованно рядиться въ женское платье, такъ какъ борода или ея бритые когда-нибудь неинуемо выдадутъ его. „Вотъ вамъ философія, каая вамъ доступна и нужна;

Больше ничего

Не выжмешь изъ разсказа моего“.

„Графъ Нулинъ“ былъ написанъ въ с. Михайловскомъ, по свидѣтельству самого Пушкина—„въ два утра“, 13-го и 14-го декабря 1825 г. Сохранились двѣ собственноручныя рукописи поэмы, одна—въ архивѣ А. Ѳ. Онѣгина, другая—у гр. Шереметева, обѣ бѣловыя, но съ многочисленными карандашными поправками; Онѣгинская содержитъ очень большое количество разночтеній сравнительно съ печатнымъ текстомъ, несомнѣнно предшествующихъ послѣднему; напротивъ, варианты Шереметевской немногочисленны и незначительны. Онѣгинская рукопись представляетъ тетрадку въ 14 листовъ бумаги въ осьмушку; на первой страницѣ карандашомъ написано заглавіе: Н о в ы й Т а р к в и н ѣ; тутъ-же дата: 1825. М и х а й л о в с к о е, и рисунокъ карандашомъ: скачущій всадникъ—очевидно, мужъ Наталы Павловны—съ собакой впереди; въ концѣ рукописи помѣта: 1825—д е к. 13. Полный текстъ Онѣгинской рукописи и разночтенія Шереметевской напечатаны П. О. Морозовымъ въ IV-мъ томѣ большого Академическаго изданія сочиненій Пушкина. Первоначально Пушкинъ отдалъ въ печать только первые 30 стиховъ „Нулина“, кончая стихомъ: „Опустошительной набѣгъ“; они появились, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ повѣсти Графъ Нулинъ“, въ четвертой книжкѣ „Московскаго Вѣстника“ за 1827 годъ, вышедшей въ свѣтъ въ срединѣ февраля. 20 июля 1827 г. Пушкинъ представилъ „Нулина“ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими своими произведеніями, на разсмотрѣніе А. Х. Бенкендорфа; 22 августа Бенкендорфъ извѣстилъ его о разрѣшеніи его пьесъ для печати при чемъ о „Нулинѣ“ писалъ „Графа Нулина Государь Императоръ изволилъ прочесть съ большимъ удовольствіемъ и отмѣтить своеручно два мѣста, кои Его Величество желаетъ видѣть измѣненными, а именно слѣдующіе два стиха:

Порою съ бариномъ шалить
и
Коснуться хочетъ одѣяла.

Впрочемъ прелестная піеса сія позволяется напечатать“. 27-го августа было выдано официальное удостовѣреніе, что можно печатать съ помѣтою: „съ дозволенія Правительства“. На основаніи этого разрѣшенія „Графъ Нулинъ“ былъ пол-

ностью напечатанъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1828-й годъ (альманахъ, издававшійся Дельвигомъ) съ замѣною тѣхъ двухъ запрещенныхъ стиховъ другими:

Порочю барина смѣнить
и
Уже руки ея коснулся,

причемъ эта послѣдняя замѣна потребовала передѣлки цѣлыхъ четырехъ стиховъ; у Пушкина было написано:

Уже коснулся одѣяла—
Но что же дѣлаетъ она?
Смятенья, ужаса полна,

и т. д.

онъ измѣнилъ эти стихи такъ:

Уже руки ея коснулся,
Но тутъ опомнилась она,
Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
И честной гордости полна,

и пр.

Изъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ былъ сдѣланъ и отдѣльный оттискъ „Нулина“ (можетъ быть, только въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ—для автора), на выпускъ котораго 15-го ноября 1827 года было получено разрѣшеніе III-го Отдѣленія. Затѣмъ въ концѣ 1828 года, къ Рождеству, вышла въ Петербургѣ книжка, озаглавленная: „Двѣ повѣсти въ стихахъ“; она содержала—на первомъ мѣстѣ поэму Баратынскаго „Баль“, на второмъ—„Графа Нулина“; наконецъ изъ этого изданія были пущены въ продажу по 2 р. 50 к. отдѣльные оттиски.

М. ГЕРШЕНЗОНЪ.

00691672

PUSHKIN

GRAF NULIN

28

Presented by

Mr. V. Glasberg

Vet. Slav. II A. 5

Ивановъ 1929. Парижъ

А. С. ПУШКИНЪ

ГРАФЪ НУЛИНЪ

Снимокъ съ изданія 1827 г.
редактированнаго самимъ
А. С. ПУШКИНЫМЪ

Съ приложеніемъ статьи
М. О. Гершензона

МОСКВА.
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1918

Печатается въ томъ же изданіи

Н. И. НОВИКОВЪ

Сатирическіе журналы

ЖИВОПИСЕЦЪ. ТРУТЕНЬ. КОШЕЛЕКЪ.

Печатается съ разрѣшенія Лит. Изд. Отд. Нар. Ком. Просв. въ количествѣ 5000 экземпляръ. Никѣмъ изъ книго-торговцевъ указанная на книгѣ цѣна (4 руб.) не можетъ быть повышена подѣ страхомъ отвѣтственности передъ закономъ страны. Прав. Ком. Лит. Изд. Отд. „П. И. Лебедевъ-Полянский“.

Складъ у издателей М. и С. Сабашниковыхъ,
Москва, Никитскій бульваръ 8.

1

2

3

